

УДК 82-17-9

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-225-232

«СТАРΟΣВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ» Н.В. ГОГОЛЯ: МИР ПОСЛЕ КОНЦА**Егорова С.О.***Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
400089, г. Волгоград, ул. Историческая, 130, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются эсхатологические значения повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» в рамках сочетающихся в ней сентименталистской и фольклорно-мифологической моделей мира. В общем смысловом контексте «Миргорода» сентименталистская «идиллия» рождается в результате гибели волшебного-олицетворенной сердцевины земли, изображенной в «Вие». Гибель же идиллии происходит вследствие того, что в сознании её обитателей образ волшебного-олицетворенной земли остаётся источником смертного зова.

Ключевые слова: идиллия, сентиментализм, конец мира, эсхатология, волшебное-олицетворенная земля, смертный зов, матриархат, вечное детство.

**“THE OLD WORLD LANDOWNERS” BY N. GOGOL:
THE WORLD AFTER THE END****S. Egorova***Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russian Federation
130, Istoricheskaya st., Volgograd, Russian Federation, 400089*

Abstract. The article considers the eschatological meanings of the novel “The old world landowners” by N. Gogol within the combined sentimental and mythological models of the world. In the common semantic context of “Mirgorod” the idyll is born from the crash of the magic-personified earth, pictured in “Viy”. And the death of the idyll happens because the magic earth stays in the people’s mind as the source of the fatal call.

Keywords: Idyll, sentimentalism, the end of the world, eschatology, magic-personified earth, fatal call, matriarchy, eternal childhood.

Эсхатологический мотив «конца мира» либо его глобальной и катастрофической перемены присутствует в «Старосветских помещиках» Гоголя в виде уходящих в глубь её художественного целого смысловых пластов. Их последовательное открытие, думается, позволит яснее представить ключевые составляющие идейной проблематики повести.

Обозначена «закатная» линия в «Старосветских помещиках» прямым уподоблением заглавных героев чете Филемона и Бавкиды (II; 15) из II книги «Метаморфоз» Овидия, за благочестие исключённых Юпитером из наказания

их города потопом¹. Такая своего рода «репетиция конца света» позволяет соотнести героев Овидия с библейской четой Лота и его супруги.

О собственно библейском эсхатологизме в «Старосветских помещиках» весьма интересно писал А. Ремизов в книге «Огонь вещей» (1954). Однако его наблюдения не свободны от внутренних противоречий. Так, автор видит в СП «блаженное райское состояние человека», – над которым, однако, «тяготеет первородное проклятие время-смерть», хотя смерть в Библии как раз не «первородна», и в раю её нет. Сам Ремизов опровергает «первородность» смерти в мире Товстогубов, связывая её с довлеющими друг другу и равно несовместимыми с райским состоянием жестоким *смехом* (шутливыми вопросами Афанасия Ивановича супруге о возможном пожаре) и *рассуждениями*. Последние делают время необратимым, что и рождает феномен смерти [17, с. 42, 46].

Главный недостаток оценок Ремизова видится в том, что гоголевская повесть предстаёт в них простым «варьированием» известных эсхатологических смыслов. Между тем, эсхатология в повести становится предметом глубокого переосмысления. Его орудием выступает сентименталистский образ мира, который в «Старосветских помещиках» и разворачивается, и опровергается [см., напр., 19, с. 139; ср.: 15, с. 180].

Очевидно, что подобие Товстогубов Филемону и Бавкиде развивается Гоголем в русле подчёркнуто сентимен-

¹ По наблюдениям И. Есаулова [9, с. 24], супружеские пары Овидия и Гоголя сближает: а) радушие, увиденное извне (глазами гостя); б) бездетность; в) оба автора смотрят на поместье стариков из будущего, когда эти превращаются, соответственно, в болото и овраг.

талистского понимания их праведности. Для сентименталистов Овидиева чета воплощает мир патриархальной («естественной») жизни на лоне природы, исчезающий под натиском рационально-бездушной цивилизации². Так, с одной стороны, поместье Товстогубов отчётливо наделено чертами хронотопа вечной весны золотого века. Его обитатели довольствуются тем, что земля производит для них сама:

«...сколько ни обкрадывали приказчик и войт, как ни ужасно жрали все в дворе, начиная от ключницы до свиней, которые истребляли страшное множество слив и яблок, и часто собственную мордю толкали дерево, чтобы стряхнуть с него целый дождь фруктов, сколько ни клевали их воробы и вороны, сколько вся дворня ни носила гостинцев своим кумовьям в другие деревни и даже таскала из амбаров старые полотна и пряжу, что всё обращалось к всемирному источнику, т. е. к шинку... – но благословенная земля производила всего в таком множестве... что все эти страшные хищения казались вовсе незаметными в их хозяйстве» [4, т. II, с. 20-21].

Поэтому благоденствие помещиков изображено в тонах сказки: здесь в одно и то же время цветёт черемуха, поспевают вишни и сливы, и сушатся яблоки [см.: 7, с. 80; ср.: 3, с. 53]. Мир «внутри плетня» – ахронный и циклический, без прошлого и будущего, что соответствует данному В. Гумбольдтом [7, с. 245] определению идиллии, где «завтра повторится сделанное сегодня».

² Возможными сентименталистскими «ре-трансляторами» образов Филемона и Бавкиды в повесть Гоголя Т. Зверева [10, с. 35-36] считает «Исторические воспоминания на пути к Троице» Н.М. Карамзина и «Письма к другу» Ф.Н. Глинки.

С другой стороны, Товстогубы, по точному наблюдению И. Есаулова [9, с. 31; ср.: 20, с. 169], – люди не конкретно прошлого (т. е. номинально восемнадцатого), а навсегда *«прошедшего»* золотого века. Восторжествовавшие в современности «...страсти, желания и ...непокойные порождения злого духа, возмущающие мир» [4, т. II, с. 13], вытеснили идиллию на окраину империи (и тем самым цивилизации в целом)¹. *«Уединенны[е] владетел[и] отдалённых деревень»* [4, т. II, с. 15] составляют

«...противоположность тем низким малороссиянам, которые выдираются из ...торгашей, наполняют, как саранча, палаты и присутственные места...» [4, т. II, с. 15].

Поэтому пришедшим извне идиллия Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны предстаёт «потерянным раем». Ко времени рассказа от неё остались лишь *«заглохший пруд, заросший ров на том месте, где стоял низенький домик, – и ничего более»* (4, т. II, с. 14). Такое постепенное схождение мира из «золотого» века в «железный» и делает сентиментализм эсхатологической, растянутой до размеров человеческой истории.

¹ Отмеченным рассказчиком в гостининой Товстогубов портретам Петра III и герцогини де ла Вальер [4, т. II, с. 17] приписывались различные сентименталистские значения. С одной стороны, сохранять портреты свергнутого монарха вопреки приказу Екатерины сдать их местным властям, можно было лишь в глуши, вдали от столицы [см.: 18, с. 327-328]. С другой стороны, вычеркнутые из истории классической эпохи несчастный монарх и опальная фаворитка Людовика XIV отражали не просто хрупкость земного триумфа, но были реабилитированы сентиментализмом в русле очеловечения истории и связывания счастья не с подобными триумфами, а с частной жизнью [см.: 15; с. 175-176, 178; ср.: 10, с. 37-38].

Подлинная актуальность эсхатологической темы в «Старосветских помещиках» проявляется, повторимся, именно в переосмыслении её сентименталистской модели, в том числе фабульном. По верной оценке Ю.М. Лотмана [13, с. 268-269], в повести не один, а два противоположных типа «чужого пространства»: *город*, к которому ведёт проезжая дорога, и *лес*. И «замкнутость» идиллии «нарушена двояким образом: взглядом из-за плетня и зовом из глубины» [2, с. 141].

Строго говоря, гибель Товстогубам вообще приходит со стороны не жестокой цивилизации (неведомый наследник прибывает из столицы уже на пепелище)², а «предвечной» Природы. Кошка Пульхерии Ивановны, сбежавшая от неё в дикий *лес*, вернувшаяся к ней ненадолго через *подземную* дыру и воспринятая хозяйкой как вестник смерти, обоснованно сравнивалась с атакующей Хому Брута ведьмой – вассалом земляного бога Вия в одноименной повести [см.: 2, с. 141; ср.: 13, с. 271]³. Г. Ермилова [8, с. 47] видит в самой идиллии черты демонизма.

Между тем, Природа, строго говоря, так же «неповинна» в крахе идиллии, как и цивилизация. В отличие от «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Вия» (далее в тексте – «Вечера...»), в «Старосветских помещиках» природный мир *«за плетнём»* уже вовсе не волшебный.

² Это особенно наглядно на фоне близкого к «Старосветским помещикам» по идиллической рамке «Семейства Холмских» (1832) Д.Н. Бегичева, где причиной катастрофы оказывается штатный для сентиментализма произвол «страстей» [см.: 16, с. 90].

³ Это как будто актуализует финал Филемона и Бавкиды у Овидия, превратившихся по смерти в два сросшихся дерева, то есть вернувшихся в мир Природы, предвечной их идиллии.

И смертный земляной «зов» – компонент не бытия, а сознания обитателей старосветского мира, определяющий их поведение и судьбу. Пульхерия Ивановна уверила себя, что в обличье сбежавшей кошки за ней приходила смерть, и покоряется этому чувству.

При этом фольклорное сознание вырастает из идиллического бытия. По точной оценке С. Овечкина [16, с. 92], к сфере прославляемой и всевластной в имении Товстогузов привычки принадлежит и привычка Пульхерии Ивановны к её кошке, бегство которой и запускает живущую в сознании её хозяйки фольклорно-волшебную «синтагматику» смерти. Эта синтагматика, очевидно, и составляет основу «онтологического», глубинного зла идиллического мира, разрушающегося по этому не извне, а изнутри [см.: 2, с. 137, 139-141; ср.: 13, с. 269, 272; 16, с. 90].

Переход волшебного-олицетворённой земли из объективной в субъективную плоскость сознания людей патриархального мира «объяснён» в рамках всё того же миргородского цикла. Как показывает А. Иваницкий [11, с. 106-107], дикий лес вокруг имения Товстогузов, который «...был глух, запущен, старые древесные стволы были закрыты разросшимся орешником и походили на мохнатые лапы голубей...» [4, т. II, с. 28–29], не просто подобен лесу, выросшему в финале «Вия» из нечисти, погибшей в церкви сотника: «Так навеки и осталась церковь, с завязнувшими в дверях и окнах чудовищами, обросла лесом, корнями, бурьяном, диким терновником, и никто не найдёт теперь к ней дороги» [4, т. II, с. 217]¹, но исторически наследует

¹ Первым на это подобие обратил внимание И. Есаулов [9, с. 54]. Вообще три первые вещи

ему. «Старосветская» идиллия, таким образом, живёт не *накануне*, а *после* конца мира.

Погибнув, волшебство земли не только переходит в сознание патриархального человека, но меняет духовное содержание самой идиллии. Она теряет присущую ей ахронию и превращает жизнь обитателей в дрящееся всю жизнь ожидание окончательного слияния с землёй. Это и наделяет особой точностью данное ещё на заре минувшего века Н. Котляревским определение СП как «идиллической истории двух закатывающихся жизней» [12, с. 233].

Переосмысление идиллии в СП проясняет ещё один, возможно, самый психологически глубокий пласт эсхатологии в повести. Имение Товстогузов по ряду ключевых позиций схоже с хутором Вытребенки заглавных персонажей повести «Иван Фёдорович Шпонька и его тетушка» из цикла «Вечеров...». Прежде всего, их роднит безграничный матриархат². Стержнем его являются описанные С. Гончаровым [5, с. 97-98] «материнские» отношения тётушки к племяннику, который в сорок с лишним лет «...еще молода дытына» [4, т. I, с. 294], а Пульхерии Ивановны – к супругу, который для неё, даже находящейся на смертном одре, «...как дитя маленькое: нужно, чтобы любило вас то, которое будет ухаживать за вами...» (4, т. II, с. 31).

«миргородского» цикла – «Старосветские помещики», «Вий» и «Тарас Бульба» – образуют временную (историческую) ретроспективу, где каждая последующая повесть проясняет сюжетно-смысловую подоплёку предыдущей.

² Не требующее комментария применительно к «Ивану Фёдоровичу Шпоньке...», в «Старосветских помещиках» царство женщин проявляется, в частности, в непрерывных беременностях служанок при отсутствии мужчин в имении [см.: 8, с. 48].

Фигура могучей тётушки Василисы Кашпоровны, как было показано С. Гончаровым [5, с. 70-98; ср.: 11, с. 58-61], несёт в себе символику «матери-земли» в её различных мифологических ипостасях: Деметры, Артемиды, Гекаты, Астарты и др. В то же время в утратившем волшебное начало мире СП женское царство уже не объёмлет всей предвечной Природы, а оказывается на её периферии. Возникает антитеза *идиллии* и *дикого леса*, заведомо отсутствовавшая в «Иване Фёдоровиче Шпоньке...». Такая территориальная редукция женской власти ограничивает её исполнительную силу. Если Василиса Кашпоровна «...Пьяницу мельника... дёргая каждый день за чуб... умела сделать золотом [...] била ленивых вассалов своею страшною рукою и подносила достойным рюмку водки из той же грозной руки» [4, т. I, с. 293–294], то Пульхерия Ивановна лишь грозит приказчику, воровством которого «дубки сделались ...редкими»: «... Гляди, чтобы у тебя волосы не были редки». И полностью удовлетворяется его объяснениями о том, что дубки «и громом побило, и черви проточили» [4, т. II, с. 20]¹.

Однако вечному дитяти Афанасию Ивановичу гигантский мировой сдвиг,

¹ Та же редукция, возможно, лежит в основе парадокса, отмечённого Ю. Манном [14, с. 162-163]. Несмотря на то что еда составляет основное содержание жизни помещиков (прежде всего Афанасия Ивановича), в своих формах она резко редуцирована в сравнении с эпическими пирами «Тараса Бульбы», пожирания всего и вся Собакевичем в первом томе «Мёртвых душ». А их гостеприимное угощение столь же далеко от окормливания гостей Петухом во втором томе поэмы. Причина, видимо, в том, что, в отличие от «владельческих» исполинов Василисы Кашпоровны и Григория Григорьевича Сторченко, Товстогубам «так мало было надо» [4, т. II, с. 21].

произошедший в сравнении с ситуацией «Ивана Фёдоровича Шпоньки...», остаётся неведом². Ю. Манн [14, с. 37-38] справедливо обращает внимание на то, что смерть супруги столь катастрофична для Товстогуба, что осознаётся им лишь по возвращении с похорон в опустевший дом. Между тем, поведение Товстогуба у едва остывшего тела Пульхерии Ивановны, а затем на кладбище показывает, что уход подруги есть для него нечто невозможное, противоестественное в самом прямом смысле слова:

«...Афанасий Иванович был совершенно поражён. Это так казалось ему дико, что он даже не заплакал. Мутными глазами глядел он на неё, как бы не зная всего значения трупа [...] работники принялись за заступы, и земля уже покрыла и сравняла яму, – в это время он пробрался вперёд; все расступились, дали ему место, желая знать его намерение. Он поднял глаза свои, посмотрел смутно и сказал: „Так вот это вы уже и погребли её! зачем?!...“» [4, II, 32-33].

Вопрос «зачем?» говорит о том, что Пульхерия Ивановна, по разумению её мужа, не может умереть не только в силу его личной к ней привязанности, но *физически, в принципе*. Причина, очевидно, в том, что для Афанасия Ивановича, как *вечно* ребёнка, не понимающего наставшей обратимости времени, его супруга вплоть до своей кончины оставалась той же царицей земли, а точнее, олицетворённой землёй, какою для Шпоньки была его *тётушка*. Поэтому если для Пульхерии

² Отмеченная Г. Гуковским [6, с. 92] принадлежность повсеместной «вечной весны» в СП не бытию, а сознанию Товстогубов касается, очевидно, в первую очередь, именно Афанасия Ивановича.

собственная её кончина была делом почти обыденным и сопровождалась бытовыми распоряжениями: «...*Платье наденьте на меня серенькое, то, что с небольшими цветочками по коричневому полю. Атласного платья, что с малиновыми полосками, не надевайте на меня... А вам оно пригодится: из него сошьёте себе парадный халат на случай когда придут гости...*» [4, т. II, с. 30-31], то для Товстогуба смерть жены есть, по сути, смерть *земли*, «конец света»¹.

До своей кончины супруга олицетворяла для Товстогуба *бессмертную землю*, а после неё, позвав мужа по имени, она олицетворила для него *смертный зов земли* – как для неё самой он метонимически обозначился вернувшейся кошкой: «...*обстоятельства кончины его имели какое-то сходство с кончиною Пульхерии Ивановны... Когда он медленно шёл по дорожке... (он) вдруг услышал, что позади его произнёс кто-то довольно явственным голосом: Афанасий Иванович! Он оборотился, но никого совершенно не было... Он на минуту задумался; лицо его как-то оживилось, и он, наконец, произнёс: „Это Пульхерия Ивановна зовёт меня!“...Он весь покорился своему душевному убеждению... с*

волею послушного ребёнка... и наконец угас так, как она...» [4, т. II; с. 36-37].

Это, по-видимому, и превращает приют Товстогубов из ахронной идиллии на лоне Природы в идиллию блаженного ухода в мир Природы, что позволило В. Виноградову [1, с. 218] определить «Старосветских помещиков» как идиллию «жалостную».

Таким образом, развёрнутая в «Старосветских помещиках» сентименталистская версия постепенного «конца мира» служит Гоголю точкой отсчёта в переосмыслении эсхатологической темы. Источником возникновение «идиллии» Товстогубов в рамках смыслового целого «Миргорода» оказывается изображённая в «Вие» катастрофическая перемена земли: гибель её волшебной-олицетворенной сердцевины, сделавшая время обратимым. Исчезает же идиллия потому, что в сознании её хозяйки волшебная земля продолжает жить как источник смертного зова. В то же время для её детски-блаженного «мужа-сына» супруга вплоть до своего ухода олицетворяет предвечную землю, обеспечивая их общее бессмертие. Поэтому смерть «супруги-матери» становится для него «концом мира», а земля – сферой желанного воссоединения с нею.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградов В.В. Гоголь и натуральная школа // Виноградов В.В. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 191-235.
2. Виролайнен М.Н. Мир и стиль («Старосветские помещики») // Вопросы литературы. № 4. М., 1979. С. 125-141.
3. Гиппиус В.В. Гоголь. Пг., 1924. 238 с.
4. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.–Л.: АН СССР, 1937–1952.

¹ Поэтому, как верно отмечает Г. Гуковский, с кончиной супруги для Афанасия Ивановича заканчивается олицетворяемый ею ахронный круговорот хозяйственного изобилия, воплощавшийся в непрестанной еде. В этом контексте замечание Т. Зверевой о том, что значимой в идиллии Товстогубов оказывается только смерть Пульхерии Ивановны [10, с. 39], следует также уточнить: для её супруга.

5. Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом аспекте. СПб. 1997. 340 с.
6. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М.–Л., 1959. 531 с.
7. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. 452 с.
8. Ермилова Г.Г. «Старосветские помещики» Гоголя: презентация смерти // Малые жанры: теория и история. Иваново. 2003. С. 40-53.
9. Есаулов И.А. Эстетический анализ литературного произведения («Миргород» Н.В. Гоголя). Кемерово. 1991. 90 с.
10. Зверева Т.В. «Двойной портрет» в повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики» // Вестник Удмуртского университета. Ижевск. № 3. 2009. С. 35-40.
11. Иваницкий А.И. Гоголь. Морфология земли и власти. М., 2000.
12. Котляревский Н. Н.В. Гоголь. 1829-1842. Пг., 1915. 572 с.
13. Лотман Ю.В. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 251-292.
14. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. М., 1978. 398 с.
15. Николаев О.Р. К истолкованию одной детали «Старосветских помещиков» Н.В. Гоголя // Русская литература. Л., 1988. № 1. С. 175-180.
16. Овечкин С.В. «Старосветские помещики»: неоднородность нарратива и жанровая трансформация // Дергачёвские чтения – 2004: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Екатеринбург. 2006. С. 88-93.
17. Ремизов А.М. Огонь вещей. М., 1989. 525 с.
18. Рицци Д. «Станционный смотритель» Пушкина и «Старосветские помещики» Гоголя // Пушкинская конференция в Стэнфорде. Материалы и исследования. М., 2001. С. 318-334.
19. Степанов Н.Л. Н.В. Гоголь: творческий путь. М., 1955. 607 с.
20. Турбин В.Н. Пушкин. Гоголь. Лермонтов: Об изучении литературных жанров. М., 1978. 239 с.

REFERENCES

1. Vinogradov V.V. Gogol' i natural'naya shkola [Gogol and the natural school] // Vinogradov V.V. Poetika russkoi literatury [V. Vinogradov. Poetics of the Russian literature]. М., 1976. pp. 191–235.
2. Virolainen M.N. Mir i stil' («Starosvetskie pomeschiki») [World and style ("The old world landowners")] // Voprosy literatury [Questions of literature]. 1979. no. 4. pp. 125–141.
3. Gippius V.V. Gogol' [Gogol]. Pg., 1924. 238 p.
4. Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochinenii: V 14 t. [Complete works: in 14 vols]. М.–Л., AN SSSR, 1937–1952.
5. Goncharov S.A. Tvorchestvo Gogolya v religiozno-misticheskom aspekte [The works of Gogol in the religious-mystical aspect]. SPb., 1997. 340 p.
6. Gukovskii G.A. Realizm Gogolya [The Realism of Gogol]. М–Л, 1959. 531 p.
7. Gumbol'dt V. Yazyk i filosofiya kul'tury [The language and philosophy of culture]. М., 1985. 452 p.
8. Ermilova G.G. «Starosvetskie pomeschiki» Gogolya: prezentatsiya smerti ["The old world landowners" by Gogol: the presentation of death] // Malye zhanry: teoriya i istoriya [Small genres: theory and history]. Ivanovo, 2003. pp. 40–53.
9. Esaulov I.A. Esteticheskii analiz literaturnogo proizvedeniya («Mirgorod» N.V. Gogolya) [Aesthetic analysis of literary works ("Mirgorod" by N. Gogol)]. Kemerovo, 1991. 90 p.
10. Zvereva T.V. «Dvoinoi portret» v povesti N.V. Gogolya «Starosvetskie pomeschiki» ["Double portrait" in the N. Gogol's story "The old world landowners"] // Vestnik Udmurtskogo universiteta [Bulletin of Udmurt University]. Izhevsk. 2009. no. 3. pp. 35–40.

11. Ivanitskii A.I. Gogol'. Morfologiya zemli i vlasti [Gogol. Morphology of land and power]. M., 2000.
12. Kotlyarevskii N. N.V. Gogol'. 1829–1842 [Gogol. 1829–1842]. Pg, 1915. 572 p.
13. Lotman YU.M. Khudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolya [Artistic space in Gogol's prose] // Lotman YU.M. V shkole poeticheskogo slova. Pushkin. Lermontov. Gogol' [Y. Lotman. In the school of poetic word. Pushkin. Lermontov. Gogol]. M., 1988. pp. 251–292.
14. Mann YU.V. Poetika Gogolya [The Poetics Of Gogol]. M., 1978. 398 p.
15. Nikolaev O.R. K istolkovaniyu odnoi detali «Starosvetskikh pomeshchikov» N.V. Gogolya [The interpretation of one part "The old world landowners" by N. Gogol] // Russkaya literatura [Russian literature]. L. 1988. no. 1. pp. 175–180.
16. Ovechkin S.V. «Starosvetskie pomeshchiki»: neodnorodnost' narrativa i zhanrovaya transformatsiya ["The old world landowners": heterogeneity of narrative and genre transformation] // Dergachevskie chteniya – 2004. Russkaya literatura: natsional'noe razvitie i regional'nye osobennosti [Dergachev readings – 2004. Russian literature: national development and regional peculiarities]. Ekaterinburg, 2006. pp. 88–93.
17. Remizov A.M. Ogon' veshchei [Fire of things]. M., 1989. 525 p.
18. Ritsti D. «Stantsionnyi smotritel'» Pushkina i «Starosvetskie pomeshchiki» Gogolya ["The Stationmaster" by Pushkin and "The old world landowners" by Gogol] // Pushkinskaya konferentsiya v Stenforde. Materialy i issledovaniya [Pushkin conference in Stanford. Materials and research]. M., 2001. pp. 318–334.
19. Stepanov N.L. N.V. Gogol': tvorcheskii put' [Gogol: the creative path]. M., 1955. 607 p.
20. Turbin V.N. Pushkin. Gogol'. Lermontov: Ob izuchenii literaturnykh zhanrov [Pushkin. Gogol. Lermontov: the study of literary genres]. M., 1978. 239 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егорова Светлана Олеговна – преподаватель кафедры иностранных языков, Волгоградской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации; e-mail: kler85@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana Egorova – lecturer at the Department of foreign languages at Volgograd Academy of the Interior Ministry of Russian Federation; e-mail: kler85@rambler.ru

---

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Егорова С.О. «Старосветские помещики» Н.В. Гоголя: мир после конца // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 225–232.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-225-232

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

S. Egorova. "The old world landowners" by N. Gogol: the world after the end // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology. 2016. no. 5. pp. 225–232.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-225-232